

«МИРНЫЕ» БУДНИ ВОЕННОГО СОСЛОВИЯ ДАГЕСТАНА В XIX ВЕКЕ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ «ОБЫДЕННОГО ИСТОРИЗМА»

Абдулаева М.И., Мансурова А.Г.

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН (367030 Республика Дагестан, г. Махачкала, ул. Ярагского 75); madina20152015@yandex.ru.

В статье показана повседневная жизнь военного сословия Дагестана в XIX в., представленного местными иррегулярными формированиями – туземной милицией, а также всадниками и офицерами Дагестанского конно-иррегулярного полка. Проанализированный документальный материал позволил выявить общеимперские черты повседневности военного сословия Дагестана и местную специфику, вносящую в эту повседневность свой неповторимый колорит. «Мирные» будни военных, связанные с обустройством штаб-квартир, казарм, лазаретов, прокладкой дорог, организацией досуга и т.п. способствовали, по мнению авторов, процессу интеграции горцев в российскую имперскую военную систему и привели к формированию национальной светской интеллигенции, которая в исследуемый период времени была преимущественно из военной среды. Кроме этого, в статье показано, как в процессе общения русских и дагестанцев в различных воинских формированиях происходил процесс взаимовлияния и взаимопроникновения культур, способствующий их сближению.

Ключевые слова: Дагестан, военное сословие, штаб-квартиры, казармы, дороги, культура.

PEACEFULLY" EVERYDAY MILITARY CLASS OF DAGESTAN IN THE XIX CENTURY IN TERMS OF "ORDINARY HISTORICISM"

Abdulaeva M.I., Mansurova A.G.

Federal State Institution of Science IHAЕ DSC RAS (367030 Republic of Dagestan, Makhachkala, st. Yaragского 75); madina20152015@yandex.ru

The article shows the daily life of the military class of Dagestan in the XIX c., Presented by local irregular formations - the native police, as well as horsemen and officers of Dagestan irregular cavalry regiment. Documentary material analyzed revealed the empire-wide features of everyday life of the military class of Dagestan and local specificity, making this daily its own unique flavor. "Peaceful" routine military-related developments of the headquarters, barracks, hospitals, roads, and the organization of recreational, etc. contributed, according to the authors, the integration process of the Highlanders in the Russian imperial military system and led to the formation of the national secular intelligentsia, which in the analyzed period of time was mainly from a military background. In addition, the article shows how the process of communication in Russian and Dagestani in various military formations there was a process of mutual influence and interpenetration of cultures, contributing to their convergence.

Keywords: Dagestan, military estate, headquarters, barracks, roads, culture.

История формирования военного сословия Дагестана, как исследовательская проблема в целом, равно как и отдельные аспекты этой проблемы, связанные с повседневностью, не являлись предметом специального изучения.

Мирные будни военных включали в себя целый комплекс вопросов, жизненно важными из которых для служилых людей являлись обустройство штаб-квартир, казарм, лазаретов, т.е. их бытовое и медицинское обслуживание.

Штаб-квартирой нескольких полков, дислоцированных в Дагестане была Темир-Хан-Шура. В прошлом эта одна из шамхальских деревень. В 1820 г. здесь было 160 домов, однако выгодное стратегическое положение Шуры заставило царские власти задуматься о строительстве здесь крепости. [7]

30 марта 1834 г. крепость была заселена сначала Куринским полком, чуть позже Апшеронским. Укрепление было окружено каменной стеной, сооруженной как впрочем и все строения крепости усилиями нижних чинов. Солдаты рубили лес в окрестностях Шуры, добывали камень, изготавливали саманный кирпич, выделявая его из глины, смешанной с рубленной соломой. Все эти работы были сопряжены с риском для жизни. Апшеронцы в Темир-Хан-Шуре постоянно находились под напряжением быть атакованными со стороны мюридов. Солдаты не могли отлучиться от укрепления даже на 100 шагов, т.к. горцы в окрестных лесах устраивали засады. Генерал-майор Н.А. Окольников, оставивший воспоминания о своей службе на Кавказе, оценивает укрепление с точки зрения военной фортификации. «Положение Темир-Хан-Шуры было довольно незавидное», – пишет он, – «Она занимала незначительное пространство, обнесенное земляным валом, довольно слабой профили, и внутри которого были разбросаны саманные домишки. Из казенных строений, в ней были пороховой погреб из дикого камня, полковой лазарет, цейхгауз и две саманные казармы, вместимостью всего на две роты. Остальные здания, или, скорее, лачужки, принадлежали женатым офицерам и солдатам Апшеронского полка; даже командующий войсками в Северном и Нагорном Дагестане генерал-майор Клюки-фон-Клюгенау, вместе с семейством, помещался в плохом домишке, куда нередко проникал и ветер». [11]

Поэтому главной заботой сосредоточенных здесь войск были работы по укреплению Темир-Хан-Шуры. В то время, как основной контингент полка участвовал в боевых действиях оставшиеся в штаб-квартире батальоны занимались постройкой различного рода хозяйственных зданий.

Большое внимание уделялось военными строительству дорог. К концу 1842 г. силами апшеронцев была тщательно разработана стратегически важная дорога на Хунзах, а также дороги из Цатаныха через Унцукуль и Гимры в Темир-Хан-Шуру, на протяжении 50 верст, причем работы производились в большинстве случаев по крутым и очень трудным спускам. Кроме этого был срублен мост через Андийское Койсу, построены укрепления в Гоцатле, Ахалчахе, Цатаныхе, Унцукуле, Балаканах, Моксохе. Возведены 23 башни (в Хунзахе, Гимрах, Темир-Хан-Шуре, на Сулаке и др. местах). Во всех укреплениях построены вновь или исправлены казармы, офицерские флигеля, лазареты, пороховые погреба, складочные места для провианта и др. помещения. [2] Весь этот фронт работ выполнялся войсками в промежутках между боевыми действиями.

В 1843 г. в распоряжении Клюки-фон-Клюгенау имелось всего 11 батальонов войск. В Темир-Хан-Шуре стояло 7 рот Апшеронского полка численностью в 1044 человек, из которых 3 роты сменяя друг друга стояли в караулах, остальные 4 благоустраивали штаб-

квартиры и завершали постройки новых укреплений (в Миатлы и др. местах), а также разрабатывали новые дороги между Шурой и Бурундук-кале. [2]

После первых же столкновений с войсками Шамиля в Темир-Хан-Шуру начинают стекаться повозки с больными и ранеными. Особенно их много было после сражения в Ахульго, где обе стороны потеряли несколько тысяч человек только убитыми. «В двух казармах из саманного кирпича, рассчитанных на 400 человек, впривалку лежало до тысячи солдат, доставленных с позиций. [3]

Только от малярии в день умирало около 20 человек. После открытия временного госпиталя, в октябре 1839 г. в нем лечилось 14 офицеров и 647 солдат. На такое количество больных и раненых было всего 4 врача и 4 санитаря. [3]

Медицинское обслуживание военных на первых порах оставляло желать лучшего. Помимо нехватки лекарств и перевязочных материалов сами условия содержания больных и раненых были убогими. Временный госпиталь Апшеронского полка размещался в казармах и вмещал от 600 до 1000 человек, «собственно в госпитале могло поместиться только 400 человек, остальные размещались в турлучных казармах и землянках». Эти условия и породили высокую смертность в полку. По сообщению Л. Богуславского: «в 1841 году умерло 8 обер-офицеров и 540 нижних чинов, а вообще со времени перехода полка из Кубы в Шуру умерло 25 штаб- и обер-офицеров». [2]

Описывая атмосферу Шуринаского госпиталя Н.А. Окольников подчеркивает, что «теснота, духота и сырость, неизбежно там гнездившиеся были причинами значительной смертности». [11] В конце 1842 г. были ассигнованы деньги на благоустройство госпиталя и других помещений, а также укрепление оборонительных фортификационных сооружений, однако работы эти шли крайне медленно.

Пребывание воинских частей, а также строительство различных торговых и других частных сооружений оживили повседневную жизнь населения Темир-Хан-Шуры. Население было преимущественно военное, с незначительной примесью русских и армянских торговцев и подрядчиков, а также евреев-ремесленников. В качестве развлечений преобладали карты и выпивка.

Впрочем, эта картина досуга в офицерской и солдатской среде была характерна, пожалуй, для всех частей русской армии. В.И. Мочульский, сотрудник Генштаба Русской армии, пытаясь дать объяснение данному факту, пишет, что молодые офицеры «выходя из корпусов, тотчас поступают в полки и батальоны, расположенные в местах, где нет ни образованного общества, ни развлечений, ни способов к какому-либо умственному занятию. Бездействие и скука делают их склонными к порокам и разврату и посеянные искры военного образования исчезают». [10]

Вместе с тем, все вышесказанное не мешало военным выполнять свои служебные обязанности. В обязанности нижних чинов, находящихся в укреплении кроме обычной гарнизонной и полевой службы, входила починка внешней ограды укрепления, возведение казарм, доставка фуража, дров, починка старых дорог и проложение новых, конвоирование транспорта. Гарнизон обычно делился на три части: одна занимала караулы и выходила в ночные дозоры, другая занималась заготовкой дров или фуража, третья была на работах. На следующий день происходила смена деятельности.

Как писал А. Зиссерман: «В числе скучных, антипатичных служебных обязанностей были наряды: в ночные и с прикрытием отрядного табуна» [6], когда приходилось всю ночь находиться в цепи, иногда укутавшись в бурку лежать на холодной земле, в дождливую и ветреную погоду.

На всем протяжении Кавказской войны, в промежутках между боевыми действиями войска строили новые или исправляли старые казармы, офицерские флигели, лазареты, пороховые погреба, складочные места для провианта. В 1843 г. в штаб-квартире Апшеронского полка, Темир-Хан-Шуре построены два офицерских флигеля.

В Шуре войска занимались также заготовкой провианта, который отправлялся и в другие штаб-квартиры по мере необходимости. На случай предстоящей осады в Шуре находилось около 10000 четвертей провианта, большое количество военных и других запасов, а также 1028 больных [2].

Покорение края сопровождалась строительством дорог, которые в этот период имели военно-стратегическое значение. Как справедливо подчеркивает А.Г. Мансурова: «Дороги в горы ..., протяженностью 443 версты были построены силами войсковых частей и местного населения. Вдоль этих трасс возникли укрепления Ахты, Кумух, Гуниб, Карадах, Хунзах, Ботлих, Чиркей и др.» [9]

Силами военных, в большей степени, был построен почтово-торговый тракт Темир-Хан-Шура–Гуниб–Кумух, разработанный в 1859 г. и окончательно заверченный в 1871 г., обошедший казне около 20000 руб.» [9]

В 1845 г. в связи с прибытием из России нескольких полков 5-го пехотного корпуса и размещением их штабов в Темир-Хан-Шуре, часть солдат Апшеронского полка расквартировали в урочище Ишкарты.

А.Л. Зиссерман, служивший в Дагестанском полку, был направлен первоначально именно в Ишкарты под команду полковника Броневого. В своих воспоминаниях он пишет: «признаюсь, сердце у меня постукивало не совсем спокойно: самый вид Ишкарты уныло – серый, отсутствие всякой жизни и движения, молчаливо, кое-где проходящие солдаты, тишина – уже настраивали на какой-то мрачный лад». [6]

Солдаты частенько подвергались нападениям, поэтому под командой полковника Евдокимова Е.И. военные занимались рубкой леса.

Л. Богусловский в своем капитальном труде описывает укрепление Ишкарты, уточняя, что до 1860 г. штаб-квартира имела самый плачевный вид, потому, что о ней некому было позаботиться: батальоны все время находились в походе и в Ишкартах стояло только несколько рот, помещений для которых оказалось вполне достаточно.

Однако с окончанием военных действий, как продолжает автор, батальоны возвращаются в свои штаб-квартиры и «потребность в помещениях для нижних чинов и для офицеров с их семействами сделалась весьма ощутительной, – и полк с лихорадочной деятельностью приступил к различным постройкам». В скором времени было построено здание полкового клуба, лазарет, казармы увеличены, стали возводиться частные дома, а для полковых нужд был разбит сад и огород, на котором выращивалось все необходимое для питания солдат и офицеров. [2]

Местные жители были весьма недовольны изъятием их земель военным ведомством и считая себя ущемленной стороной писали жалобы высшему начальству. Очевидно, что в ответ на одну из таких жалоб Командующему войсками в Прикаспийском округе последний отправляет предписание командиру 1-й бригады 20 пехотной дивизии генерал-майору Плацбек-Кокуму от 28 мая 1848 г. № 418 о том, что «... близ Ишкартинских укреплений должны быть водворены каранайские и ишкартинские выходцы, которых нужно обеспечить хлебопахотной землей и покосными местами». [13]

Далее Командующий войсками рекомендует распределить земли таким образом, чтобы «самые ближайшие к штаб-квартире полка ... назначить в достаточном количестве полку для огорода и под отгоны, из покосных же мест часть лучшей и удобной земли отвести выходцам для хлебопашества в таком количестве, которое было бы достаточно по числу от 150 до 200 семейств, затем из оставшейся земли предоставить полку лучшие покосы в достаточном количестве». [13]

Ответ, данный жителям Ишкартов и Караная генерал-лейтенантом кн. М.З. Аргутинским-Долгоруковым был весьма категоричен: «Объявить заведующему ишкартинскими выходцами прапорщику Али-Султану и прочим ..., что в настоящее время в окрестностях Ишкартов нет земель, принадлежащих ишкартинцам и караневцам, а эти земли принадлежат правительству русскому, и потому, если он и его люди не соглашаются водвориться теми землями, которое начальство для них назначило, то других земель получить они не могут». [13]

Впрочем, за исключением земельных притязаний, в остальном между местными жителями и военными проблем не возникало. Более того, со временем между ними

установились тесные отношения к взаимной выгоде обеих сторон. Интересные картины повседневной жизни военных в укреплении Ишкарты находим у Б. Гаджиева. «Каждый четверг на площади проходил базар, на который собирались крестьяне с окрестных сел. Перед тем, как войти внутрь крепости, они сдавали часовым кинжалы и другое оружие. На одной половине площади солдаты продавали хлеб, яблоки, рыбу, капусту. Здесь же горцы сбывали свои товары – молоко, масло, сыр, мясо, шерсть, фасоль, кукурузу. Другая половина площади отводилась для прогулок». [4] Постепенно отношения стали настолько приятельскими, что горцы стали с нетерпением ждать русских праздников, когда их приглашали внутрь крепости, за накрытые столы. «Когда араки, налитая в глиняные кувшины ходила по рукам и гости начинали пьянеть, то они уже не различали ни поросенка, ни окорока, кушали все подряд, не забывая в свою очередь, угостить солдат тем, что они с собой принесли». [4]

К окончанию военных действий некоторые солдаты и унтер-офицеры решили осесть в Ишкартах. Они стали строить дома из самана с плоскими крышами, как у местных жителей, жен брали из Темир-Хан-Шуры, где было достаточно русского населения.

Л. Богуславский – полковой историограф в заключении своего труда вновь возвращается к укреплению Ишкарты в конце 80-х гг. XIX в.: «... здесь были довольно обветшалые уже казармы, в которых помещались солдаты, и десятка четыре домиков, принадлежащих офицерам и отставным солдатам. Жизнь протекала в самом тесном кругу: общество было исключительно офицерское; штатских, или как их называют солдаты «вольных», по штату не полагалось». [2] Интересный факт, отмеченный Л. Богуславским, в этом сюжете – наличие в полку «довольно хорошей библиотеки», что говорит о том, что к 80-м гг. XIX в. военная среда становится более образованной.

К этому времени, действительно, при штаб-квартирах многих полков появляются библиотеки. «В них имелись не только специальные книги по военному искусству, комплектация которых происходила на основании типовых каталогов, составлявших в Санкт-Петербурге Военно-ученым комитетом, но и художественные произведения. Оплачивали новые поступления в библиотеки сами офицеры, у них из жалования удерживали один процент на «библиотечные нужды». [12]

В виду отсутствия в Ишкартах особого здания т.н. офицерского собрания, для этой цели приспособили лазарет. В летнее время «все ишкартинское общество проводило время в полковом саду, где ставили ротонду для танцев и других увеселений».

Даже в трудных боевых условиях, в промежутках между кровопролитными боями военные умудрялись выкроить время для приятного времяпровождения. У «кавказских балов», – как пишет современный исследователь А.Е. Савельев, – были и свои особенности,

в частности, «небольшое количество участников, явный недостаток «дам», в качестве которых выступали даже маленькие девочки, гораздо более свободные нормы поведения, чем это было принято на петербургских и московских вечерах». [12]

Благодаря этому, у многих военных, служивших на Кавказе, остались приятные воспоминания о Темир-Хан-Шуре.

Как пишет А.М. Дондуков-Корсаков: «Я никогда не забуду, с каким восторгом после продолжительного похода приближались мы к таким вожделенным центрам общественной жизни; при звуке скрипок на бале во Владикавказе или Шуре мы как будто вновь вступали в цивилизованный относительно мир». [5]

Совместная боевая жизнь и мирные будни способствовали межцивилизационному влиянию, взаимопроникновению русской и дагестанской культуры. Оторванный от европейской обстановки, от дома, от близких русский офицер, по словам Е.И. Козубского, должен был «переродиться, сделаться горцем, чествовать и даже исполнять те обычаи, пренебрежение которых отталкивало бы от него всадников и не допустило бы сближения с ним». [8]

Эта разность пронизывала абсолютно все сферы жизни, и особенно бросалась в области культурно-бытовой, связанной с пищевыми пристрастиями, обстановкой, этикетом и т.д.

Повседневные будни военного сословия Дагестана имели общеимперские черты, которые были связаны скорее с теорией учебного процесса (Устав, гарнизонная служба, учения и т.п.). Но вместе с тем была своя, ярко выраженная специфика, проникнутая колоритом кавказской жизни и различным цивилизационным уровнем. Главный результат этих процессов – интеграция дагестанцев в российскую военную систему. Военное сословие Дагестана, на наш взгляд, сыграло роль проводников русской и европейской культуры, сделав ее достояние широких слоев дагестанского общества.

Список литературы

1. Бейболатов А.Д. Ишарты юрт. Махачкала, 2010. С. 22.
2. Богуславский Л. История Апшеронского полка. 1700–1892. Т. II. СПб., 1892. С. 57-58, 62, 38, 91, 367, 549.
3. Гаджиев Б. Буйнакск в истории и легендах. Махачкала, 1961. С. 25, 26.
4. Гаджиев Б. Царские и шамилевские крепости в Дагестане. Махачкала, 2006. С. 124.
5. Дондуков-Корсаков А.М. мои воспоминания. 1845–1846. / Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны. XIX в. СПб., 2000. С. 428.

6. Зиссерман А.Л. 25 лет на Кавказе (1842–1867). Ч. 2. СПб., 1879. С. 127, 6.
7. Козубский Е.И. Дагестанский сборник. Вып. II. Темир-Хан-Шура, 1904. С. 141.
8. Козубский Е.И. История Дагестанского конного полка. Петровск, 1909. С. 372.
9. Мансурова А.Г. Пути сообщения и их роль в развитии экономики Дагестана XIX в. в трудах Х.-М.О. Хашаева // Вестник Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН. 2012 № 1(20). С. 57.
10. Мочульский В.И. Война на Кавказе и Дагестан. 1844 г. Махачкала, 2012. С. 25.
11. Окольничий Н.А. Перечень последних военных событий в Дагестане. 1843 год. // Военный сборник. № 1-5. 1859. С. 57.
12. Савельев А.Е. Гарнизонная и походная жизнь офицеров Отдельного Кавказского корпуса // Кавказский сборник Т.6(38). М., 2010. С. 134, 135.
13. Центральный Государственный архив Республики Дагестан. Ф. 3. Оп. 1. Д. 11. Рапорты командира Дагестанского пехотного полка. Лл. 1, 7, 9.

Рецензенты:

Алиев Б.Г., д.и.н., профессор, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, г. Махачкала;

Искендеров Г.А., д.и.н., профессор, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН, г. Махачкала.